

По Скрябину, каждая нота, тональность имеют свой цвет. Но, быть может, цвет, тональность есть и у композиторов? Почему-то кажется, что в музыке Марка Минкова доминирует синий. Густой, глубокий. Как ми-минор. Тот самый, с которого начинается его фамилия. В знаменитом советском фильме «Антон Иванович сердится» два профессора консерватории до хрипоты спорили о серьезности несерьезной музыки. Композитор Марк Минков легко примирил бы их. Его музыка серьезна, возвышенна — независимо от жанра, в котором существует. И это никоим образом не мешает ее сочинителю слыть лучшим из мелодистов во всем постсоветском пространстве, продолжать традиции Глинки, Шуберта и Хачатуряна, у которого он учился композиции в консерватории

Марк МИНКОВ:

Владимир ЛАРИОНОВ

— Как же становятся композиторами? — Маленьким я пел: в трамвае, троллейбусе, на улице. Мама отдала в музыкальную школу на Пушкинской. Тут выяснилось, что я должен играть гаммы и этюды, а не сочинять. Но гаммы играть скучно и отвратительно, гораздо приятнее гонять с ребятами мяч. Потом меня приняли в третий класс Мерзляковки при консерваторском училище. Там уже была композиция, и я понял, для чего учиться. В училище я по-

Боря Моисеев — чистой воды извращенец. Спел мою песню «Не отрекаются любя», даже не поставив меня в известность. Я запретил его продюсерам выпускать пластинку. Он заявил, что имел большой успех на концерте, повернулся к публике спиной и снял штаны. Я не ударил его лишь потому, что рядом находился мой сын. Вот это и есть лицо нашей попсы, точнее, та часть, которую любит демонстрировать публике Моисеев.

Марк разнервничался, закурил, хотя из всех сил пытался бросить... И я перевожу разговор в более академическое русло.

— У тебя великое множество произведений на стихи хороших поэтов: Блока, Бернса, Лорки, Цветаевой. Номера из вокального цикла «Балаганчик» даже вошли в обязательную программу конкурсов имени Глинки...

— Глупо говорить: я с детства любил поэзию. Но это так. Одна из первых прочитанных книжек, пухлая, красивая, начиналась таинственно: «Навис покров утрюмой ноши/На своде дремлющих небес». Отдельных слов не понимал, но красота, музыка завораживали. «Балаганчик» был написан на первом курсе консерватории. Его хорошо пел рано скончавшийся Денис Королев. Иван Семенович Козловский был вторым. Володя Пресняков однажды попросил записать номер из цикла на кассету. Я прошипел простуженно коротенькое — «Вербочки». И узнал, что Кристина Ор-

второстепенных слов «кое-где у нас порой» стала крылатыми «именными» словами.

— Будешь смеяться, но я проснулся знаменитым... в МВД. Назавтра после премьеры «...Знаюков» мама подошла ко мне в 9 утра: тебе звонят из МВД. Ты не болтал никаких анекдотов? У ее ближайшей подруги сын сгинул после безобидной шутки. Выяснилось, что меня пригласил министр Щелоков...

— Только не говори, что он гений чистой красоты.

— Бенкендорфы не бывают гениями чистой красоты. Но песня эта «мне строить и жить помогает». Меня не штрафуют. Моя милиция меня бережет, стоит лишь узнать про песню. В лицо-то меня не знают — я ж, как и они, боец невидимого фронта...

— Есть шлягер «от Минкова», не уступающий в популярности «службе дни и ночи». «Не отрекаются любя» на стихи Вероники Тушновой. Известно, что песня исполнялась и до Аллы Пугачевой...

— В спектакле театра Пушкина «Мужчины, носите мужские шляпы» пела актриса... не помню ее. Спектакль, к сожалению, был плохой. Казалось, что песня может прозвучать иначе. Пугачева в те времена спела «Арлекино». И я сошел с ума от счастья, что появилась артистка, для которой важен не фадиз, а сцена. Способная из песни сделать маленький спектакль.

— А как же пафос, который слушателей поливали со сцены? — Пафос был аккомпанементом патриотизму, светлому взгляду на мир. Вспомни «Катюшу». Помимо того, что Бог дал им больше, чем тем, кто занимается песней сейчас, было ощущение неповторимости эпохи. Уникальности страны, которой «нет преград ни в море, ни на суше».

— Что же случилось? — Произошла попытка встроиться в мировой процесс. С наскока, по-русски. Несколько лет назад прочитал объявление в «Из рук в руки»: «Сочиню музыку к фильму. Имею хорошие клавиши». Но процесс профессиональной деградации начался уже при загнивании советской власти. Когда возникли песни про полуживого генерального секретаря. И всегда были люди, которые, не считаясь официально композиторами, писали замечательные песни. Окудава, которого СК ненавидел. Песни его остались, в отличие от многих его презиравших. Андрюша Макаревич, которого я очень уважаю. Но меня бесят артисты, не считающие необходимым называть авторов песен, которые делают их знаменитыми.

— Не всегда хочется узнать, кто их написал.

— Кто знал, что у песни «Как уютно» в России вечера» есть автор Саша Добронравов? Вышла группа какая-то...

— «Белый орел».

— Вот-вот. И название, как водка. Сняли клип, раскрутили. Музыка становится безымянной. Когда пришла свобода, из-под нар, где место петухов, ползла блатная лирика и стала модной. Прикажете это считать творчеством? А ведь песня, извини, — самодельный музыкальный жанр, искусство, которым занимались Шуман, Шуберт, Брамс, Малер. Раньше говорили: Дунаевский, стихи Лебедева-Кумача... Исполняет такой-то. Первым был композитор, вторым — поэт, третьим — исполнитель. Музыка, как картина, имела авторскую подпись. А подписав своим именем песни, ты понимаешь, что не можешь писать дерьмо...

МУЗЫКУ ЛЮБЛЮ

ДАЖЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕБЯ

А попса — отвратительна

Оказывается, когда он писал знаменитую песню про «кто-то кое-где у нас порой», не подозревал, какие у нее будут удивительные слова

— Хотел стать композитором всегда, сколько себя помню...

— Странное желание для мальчика Страны Советов, родившегося буквально под грохот победных салютов, взросшего в героическое время.

— К сожалению, мама не помнит, в честь какого города прохотал тогда фейерверк. Время, в котором я рос, было не только героическим — в нем было много красок. Начать с того, что мама учила меня параллельно говорить по-русски и по-немецки.

— Случалось ли, что немецкий, которым ты владел в совершенстве, выручал тебя? — Да, в 90-х... Рухнула советская власть, опротивевшая настолько, что уже рвало от лиц наших руководителей. Я был рад, что закончился период мучительного идиотизма. Пришел нормальный человек, Горбачев. Потом — Ельцин. Который поначалу тоже производил впечатление вполне адекватного... А потом свершилась «бархатная» революция по-русски, в результате которой у меня шли: спектакли, музыка, фильмы. Но я не получал ни копейки. Как-то надо было выживать. Вот в это самое смутное время меня в Германию и позвали. Немцы поставили мой балет «Разбойники». Шиллер им интересен, потому что мало кто его читал, как, впрочем, и Гете. Зато это музыкально-центрическая страна. В каждом приличном доме — инструмент. На нем лежат ноты Моцарта, Шуберта, Брамса...

пал к великому учителю, о котором мало кто знает. Николай Николаевич Сидельников — редкого вкуса музыкант, потрясающая личность, имевший дело не только с музыкой, но и с общечеловеческой культурой. Живопись эпохи Возрождения знал, как мы знаем «Му-му». В консерватории я учился у Арама Ильича Хачатуряна. Он был совершенно другим, примером чистого, неограниченного таланта. Художником, идущим от импульса, интуиции. Объяснял так: «Марк, надо убрать эти четыре такта». — «Почему?» — «А вот сыграй». — Играю. — «Правда, лучше?» — «Правда. А почему?» — Он не знает. И я не знаю. Но — лучше. Пастушок, играющий на свирели гениальную мелодию, оттого что душа поет в унисон с небом.

Арам Ильич был виолончелистом, только в 19 лет приехал в Москву в Гнесинский институт. Окончив консерваторию, стал председателем Союза композиторов. Сногсшибательная карьера. Ты ведь понимаешь, что начинать композиторский путь в 19 поздновато.

— Ему не хватало образования? — Ему хватало. И мы любим его таким, каков он есть. Невозможно представить себе Хачатуряна, посещающего класс Шенберга. Того, что он не любил, он и не хотел знать. Я тоже таким стал. Мне, к примеру, омерзительна современная эстрада. Стараюсь ее не знать. Точнее, отвратительна попса.

бакайте сделала из нее чуть ли не ораторию на восемь минут. Страшно испугавшись, сказал же: придется как-то извиниться, вежливо отказываться... Но когда услышал Крестину, пришел в восторг: это было перпендикулярно тому, что сочинил я. Совершенно неожиданная фольклорная аранжировка.

— А не возникало ли чувство пниетного страха: я — и Блок, я — и Цветаева? — На первом курсе страха не бывает. Тем более в учебной работе. Но получилось не стыдно. Хорошая поэзия задает высокую планку.

— Мы все «о вечном». Но, не в обиду будет сказано, главным шлягером Минкова для обывателя останется «Наша служба и опасна, и трудна». Как создавалась «нетленка»? — До этого была первая работа на ТВ «Средневековый театр». Позвонила музыкальный редактор Тана Гудкова, сказала, что для нового телефильма нужны песни и сквозная тема на ее основе. Спрашиваю: «А слова?» — «Нет слов». — «А как?» — «Сочиняйте музыку. Понравится — закажем и слова». — «Какую музыку?» — «Такую, чтобы ее можно было запомнить». Я вдохновился, немедленно сочинил. Не знал еще, что песни либо быстро делаются, либо никак. Звонить не стал, чтобы не подумали, что я халтурщик. Приехал на студию через несколько дней. После одобрения «сочинения» велено было придумать к ней «рыбу». Помню эту «рыбу», настоящую фиш: «Это было много лет тому назад. /Шел домой еврей по улице Арбат...» Дальше, извини, продолжить не могу, так как для будущего автора слов я, не стеснясь, рифмовал непечатные выражения. Никак не ожидал, что именно эта песня станет столь популярной.

— Ее запели не только миллионеры — страна, а груда

Жаль, что продолжалось это не так уж долго и талантом немереным она распорядилась расточительно. Не прими за лесть, но у меня ощущение, что после мощнейшего начала период «увлечения Минковым» — лучший в музыкальной карьере Примадонны. Кульминацией этого периода стали «Летние дожди».

— А «Монолог» ты слышала? — Драматически «Монолог» много ярче. Помню, как на одном фестивале женщины, рыдая, просили тебя вновь и вновь его бисировать, но даже он не поспирит с чистой и ясной гармонией «...Дождей». «Летние дожди» сочинялись для Пугачевой?

— Это был спектакль Центрального детского театра «Кто, если не ты». А я как раз прочел «Зеркала» Семена Кирсанова. Пел Караченцов. Для спектакля пел точно, а для жизни песни недостаточно. Я по старой дорожке — к Пугачевой. По сути, в этой песне она — настоящий соавтор. Кланяюсь ей за это.

— Несмотря на то что у тебя около ста работ в кино, самым известным стал фильм «Мы из джаза», а самой популярной «кинопесней» — «Старый роуль».

— Я не понял, что это за кино. Наверное, первый вариант сценария был другим и, возможно, претерпел изменения. Карен Шахназаров заказал мне четыре песни. Поверь, были песни не хуже «Роуля», но что-то не вошло, что-то не так было снято. Когда я пришел на рабочий просмотр, то увидел, что одна песня вообще шла под диалоги. Так нельзя: либо песня, либо разговоры.

— Режиссер не воспринял это как каприз, ему же надо как-то развивать сюжет? — Тогда уберете песню. Я уважаю то, чем занимаюсь, живу для этого. Песня не должна журчать, как водопровод. Была неплохая песня «Спасибо, музыка, тебе», и звучала она в первом варианте иначе. Ее тоже могло не